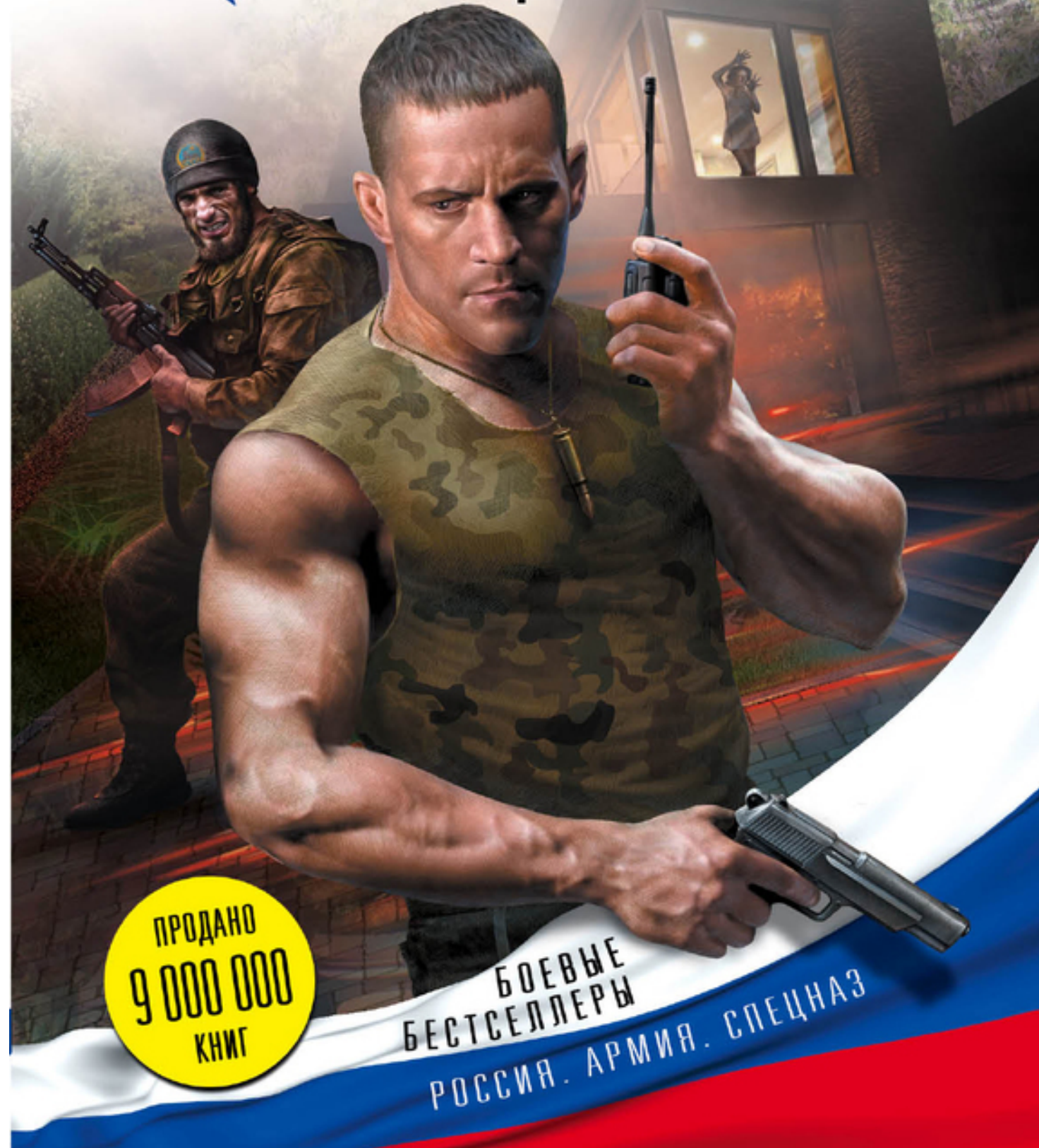

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СТРОЙ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ
РОССИЯ. АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Александр Тамоников
Возвращение в строй

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Возвращение в строй / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2016

Уволившись из армии, бывший спецназовец капитан Павел Кулагин возвращается в родной город Переславль и устраивается в усадьбу депутата областной думы простым рабочим по уходу за территорией. Работа спокойная, место тихое – что еще надо бывшему вояке, сполна хлебнувшему военных невзгод! Но первое впечатление оказалось обманчивым. Как-то Кулагин заметил перепуганное женское лицо, мелькнувшее в окне третьего этажа. А потом девушка выбросила из окна конфету, на обертке которой была написана просьба о помощи. Что-что, а вызволять людей из беды Павел умел лучше, чем даже подметать дорожки...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Тамоников

Возвращение в строй

*Все описанное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава первая

Железнодорожный экспресс Москва – Переславль прибыл на вокзал областного центра точно по расписанию, в 17.05. Возможно, из-за того, что сегодня, 12 июня, был выходной день, народу ехало немного. Капитан запаса Павел Кулагин с десантной сумкой в руке покинул вагон, прошел через зал ожидания, вышел на привокзальную площадь и не узнал район. Он не был в родном городе почти год, и за это время вокруг все изменилось до неузнаваемости. Раньше прямо от вокзала к площади шла прямая дорога, по обеим сторонам которой ютились на крошечных участках такие же крошечные дома частного сектора, сейчас же на их месте высились новостройки различной архитектуры и этажности. Впрочем, дорога осталась, но была оформлена не хуже московского Старого Арбата. Посередине скамейки, цветники, декоративные фонари, там, где проходили тротуары, – молодые деревья, через одно увешанные электрическими гирляндами. Вместо асфальта – брусчатка. Красиво, но как-то непривычно, нагроможденно. Зачем столько многоэтажных домов на небольшом пятачке? Изменилась и сама площадь. Исчезли торговые палатки, павильоны, небольшой базарчик, не было стоянки такси, где еще год назад всегда стояли свободные машины. Сейчас площадь очистилась от всего, и непонятно, для чего жирная пешеходная «зебра» пересекала ее от вокзала до улицы Вокзальной. Впрочем, машины к зданию подъезжали, но не к центральному входу, а к площадке рядом с техникумом, фасад которого был отделан в дорогом, европейском стиле. Интересно, такая же отделка техникума с тыла, со двора? И вообще, техникум ли вообще здесь или контора какой-нибудь компании, сдающей помещения в аренду?

Кулагин достал сигарету, прикурил.

И тут же откуда-то появился полицейский патруль. Двое полицейских, хорошо, что без автоматов.

– Гражданин, вам известно, что курение в общественных местах запрещено? – спросил подтянутый лейтенант.

– Слышал о новом законе, но рядом со мной никого нет, какое же это общественное место?

Вперед вышел сержант. Он был менее вежлив:

– Умный, да? Говорят тебе, курить запрещено, значит, туши окурок и в карман, пока на штраф не налетел.

Кулагин хорошо относился к ребятам из МВД. Вместе с ними не в одном боевом выходе дрались плечом к плечу с разной бандитской нечистью, но то были боевые офицеры. А эти?

– А что это за тон, сержант? – возмутился он. – И вас что, перед тем как обращаться к кому-то, представляться не учили?

– Борзый, – проговорил сержант и повернулся к лейтенанту: – В отделение его? Проверим, что за «птица», заодно объясним, как следует вести себя с представителями власти.

– Помолчи пока, – кивнул напарнику лейтенант и представился: – Лейтенант Воропаев, линейный отдел полиции. Попрошу ваши документы.

– Это другое дело, учитесь, сержант.

Тот недовольно отвернулся.

Павел достал удостоверение офицера Службы безопасности, его предстояло обменять на военный билет в связи с увольнением, но пока оно считалось действующим. Имелся у Кулагина и паспорт. В отличие от армейских офицеров, у бойцов отряд спецназа, подчиненных ФСБ, паспорта оставались на руках. Мало ли какую задачу и в каком качестве предстоит решать?

Но лейтенант выбрал удостоверение и, открыв его на первой странице, тут же протянул документ обратно:

– Извините, товарищ капитан. Почему не предупредили сразу?!

– Но я же нарушил закон? – усмехнулся Кулагин. Впрочем, исправлюсь! – Он затушил окурок, бросил его в урну и добавил: – Один вопрос, лейтенант.

– Да?

– Раньше здесь было много такси. Как сейчас найти машину, не подскажете?

– Наберите на сотовом номер... – назвал цифры офицер, – и такси подъедет через считанные минуты.

– Значит, сейчас так, да?

– Так точно.

– Да ладно, Валер, – вновь выступил сержант, – какой номер? Оператор точно скажет, что свободных машин нет. – Он повернулся к Кулагину: – Вы, товарищ капитан, зайдите за здание слева от вас. Там частники работают. Правда, берут дороже, но зато всегда на месте.

– Что же вы не боретесь с незаконной предпринимательской деятельностью? – вновь улыбнулся Кулагин. Этот диалог с полицейскими немного взбодрил его после вчерашней «отважной», когда он, как говорится, «выставлялся» перед отъездом и в экспрессе чувствовал себя плоховато. Похмеляться же не стал по той причине, что никогда не похмелялся. Правда, и пил Павел мало. Но это было там, в той боевой жизни, что будет в новой, неизвестной, непонятной, штатской, не знал никто, и в первую очередь сам капитан Кулагин.

– А как бороться с частными извозчиками? Они ставят машины на разрешенную, платную, между прочим, стоянку. Якобы ждут приезжающих родственников, – ответил лейтенант.

– Ясно. Благодарю.

– Всего хорошего!

– Взаимно.

В кармане у Кулагина лежало пять с половиной тысяч рублей. В сумке еще сто тысяч, весь его стратегический запас. Уволен он был по статье, и на пенсию рассчитывать не приходилось, тем более на квартиру. Впрочем, квартира у него была, небольшая «двушка», всего сорок пять квадратных метров, но своя, точнее, оставленная в наследство матерью, умершей уже в таком далеком 2002 году. Отца капитан не помнил. Да отец его и не видел, подполковник, командир батальона, Николай Павлович Кулагин в мае 1986 года подорвался на mine возле Кандагара в Афганистане. Павел же родился в восемьдесят пятом. Отец должен был приехать в отпуск ко дню рождения сына, и приехал, но в конце мая, в закрытом цинковом гробу и в сопровождении сослуживцев. Естественно, годовалый ребенок помнить этого не мог.

Кулагину не пришлось выискивать частника. Уже на углу к нему подошел мужчина лет пятидесяти:

– Добрый день! Сразу видно военную выправку.

– Скорее уж добрый вечер, – улыбнулся Павел.

– А какая, собственно, разница, день, вечер, утро, ночь, главное, чтобы добрые.

– Вы правы.

– Вижу, вам нужна машина, молодой человек?

– Да.

– И куда ехать?

– На Нестерова.

– Улица Нестерова большая.

– В самый конец, если от проспекта, к перекрестку с Тургенева, крайний левый дом.

– Угу! Девятиэтажка двухподъездная?

– Точно так!

– Говорю же, видно человека военного. Триста рублей устроит? Сразу скажу, такси возьмет в два раза меньше. Но у них заказы, у них оператор, система. Мы же, частники, работаем в одиночку, да еще незаконно. Но жить-то как-то надо! На пенсию не проживешь.

– Триста так триста, – согласился Кулагин, хотя не в его положении было шиковать.

– Тогда стойте здесь, я мигом подгоню машину.

– А здесь остановка разрешена?

– Нет, конечно, но все останавливаются. Чем мы хуже?

Мужчина исчез за углом, и вскоре перед Кулагиным притормозил «Рено». Он бросил сумку на заднее сиденье, сел впереди рядом с водителем, и тот сразу тронулся с места.

Видимо, он был по природе разговорчив, а сегодня пришлось больше молчать, поэтому и решил отыграться на Кулагине.

– Так я угадал, вы военный? Офицер?

– Был.

– Уволили?

– Да.

– Такого молодого? Вам же, по-моему, и тридцати лет нет?

– Двадцать девять.

– Сокращение?

– Что-то вроде этого.

– Понимаю, не хотите говорить, не надо. А я в свое время в Афганистане служил.

Кулагин с интересом посмотрел на частника:

– Да? Где? Когда?

– У вас там тоже кто-то служил?

– Отец!

– Понятно. Я служил в пехотном полку, в пехотной роте у Герата. С 1985 по 1987 год, с июня по май. В боевых действиях участвовать приходилось, ранен не был, пронесло, но и наград не заимел. Дали «афганку», знак воина-интернационалиста и в восемьдесят восьмом юбилейную медаль. Рядовым стрелком я был. Но что медали, ордена, главное, домой живым-невредимым вернулся. А в роте за два года шестнадцать пацанов погибло да два офицера. Когда внезапно домой явился по дембелю, увидел мать и окаменел. Поседела она за эти два года, ждавши сына. А ваш отец?

– Мой отец командовал батальоном, тоже мотострелковым. Подорвался его БТР на mine. Отца и механика убило сразу, наводчик и еще один боец умерли по дороге в госпиталь. Он знал, что я родился, но так и не увидел меня. Перед самым отпуском погиб.

– Извините. Кстати, я – Игорь Борисович, или просто Борисыч!

– Не за что извиняться, Борисыч. Война. Меня же зовут Павел.

– Очень приятно. Ну, вот и поворот к крайнему дому. У вас какой подъезд?

– Первый!

Борисыч затормозил.

– Приехали!

Кулагин достал деньги, вытащил три сотни, протянул водителю:

– Держите, как договаривались.

Борисыч вернул сотку:

– Давай так, тебе сейчас с финансами туго придется. Если без пенсии, работу-то, конечно, найдешь, молодой, здоровый офицер, да вот сколько платить барыги наши за работу станут? Те каждую копейку считают у других, а на себя же миллионы тратят, – сказал водитель и вернул сотку.

– Спасибо, Игорь Борисович!

– Просто Борисыч, и на «ты», хоть, может, и не увидимся больше. Ты вот возьми номерок мой. Мало ли куда съездить надо будет, позвонишь, подъеду. И тебе хорошо, и мне приработок. А можно и без него. Война та афганская повязала нас. Извини, что задерживаю, я говорил о том, что у меня в роте двое офицеров погибли, так вот один из них мой взводный, старший лейтенант Коренев Сергей Викторович, двадцать три года ему было, но офицер от бога. Так вот,

зажали нас как-то «духи» в ущелье. Прорваться сил не хватает, второй взвод тоже застрял под обстрелом. Короче, хана нам всем, если бы не взводный. Корнев приказал всем по трещине на верх перевала подниматься, а сам остался прикрывать отход. Взвод вышел на перевал, там уже как следует укрепились, а вот старший лейтенант погиб. Подорвал себя гранатой, когда патроны кончились, а «духи» близко подошли. Геройской смертью погиб Сергей Викторович. Вот так. Ну, если что, ты звони.

– Обязательно.

Сзади уже сигналила «Тойота», кому-то не терпелось ко второму подъезду проехать.

Кулагин пожал руку водителю, забрал сумку и положил в карман листок с телефоном Борисыча, где значилась и его фамилия – Павлов.

Войдя в подъезд, он поднялся на второй этаж, посмотрел на почтовый ящик, который оказался пустым. Оставив сумку у своей двери, позвонил соседям, которым оставлял ключи от своей квартиры. Дверь открыл мужчина лет под шестьдесят.

– Опять по Интернету? – спросил он и осекся: – Пашка, ты?!

– Я, Георгий Степанович, добрый вечер.

– Здорово, чертила, ты в отпуск, что ли?

– Нет, насовсем.

– Не понял? Уволился?

– Уволился. Вы мне ключи дадите?

– А?! Ну, конечно. – Георгий Степанович повернулся и крикнул в глубь квартиры: – Аннушка, поди сюда!

– Чего тебе? – услышал Кулагин недовольный голос соседки. – Опять какую-нибудь ерунду предлагают, и не надоело тебе болтать с ними? Лампочку в ванной лучше замени.

– Да что ты как пулемет трещишь? Пашка Кулагин приехал.

Маслова тут же оказалась в прихожей, отодвинув мужа:

– Паша? Здравствуй, дорогой! А я подумала... да что ты стоишь, проходи.

– Да нет, тетя Ань, мне ключи бы.

– Жора! – повернулась Анна Сергеевна к мужу. – Ты чего стоишь? Где ключи?

– Да вот они. – Георгий Степанович вручил капитану ключи: – Держи, герой, не волнуйся, с хатой все в порядке, каждый день проверял.

– Ага, – воскликнула Маслова, – когда был трезвым, а трезвый ты бываешь нечасто.

– Завела старую пластинку. Сегодня же праздник. Да не один, два праздника. Паша вот приехал. Пошли, Паш, покажу квартиру.

– Чего тебе ходить? Парень домой вернулся, не до тебя ему, – возразила жена.

– Не до меня? А чем твой парень сегодня питаться будет? В холодильнике пусто, сам устал с дороги, тут хочешь не хочешь, а придется мне в магазин идти. А я не против, для Паши-то.

– В магазин и я схожу.

– Вот что, женщина, не порть мне, не порть нам настроение. Лучше приготовь чего-нибудь горяченького.

– Да я как-нибудь сам, – улыбнулся Павел, наблюдая за суетой соседей.

– Как это сам? – воскликнул Маслов. – Мы что, чужие тебе?

– Не хочу вас напрягать.

– У нас, Паша, напряги друг от друга с женой. Да и немудрено, вдвоем постоянно. Сын-то, Авдей, в Москве.

– Знаю. На высокой, говорят, должности?

– Э-э, в какой-то компании, что торгует всякой электронной хренью. Но платят хорошо, столько здесь не заработаешь, да и невеста у него там с квартирой.

– Ты чего разговорился, старый?

– Действительно! Идем, Паш.

Кулагин открыл дверь. Из квартиры сразу пахнуло каким-то затхлым запахом. Вещи без людей превращаются в труху.

– Вот, Паша, гляди, все как было, когда ты уезжал. – Он подмигнул Кулагину и достал из кармана тренировочных брюк бутылку водки: – А это за встречу, надо обязательно. И побыстрей, до Анны.

– Вы что, Георгий Степанович, с собой ее носили? – удивился Кулагин.

– Она у меня в заначке, за обувной полкой стояла, – хитро усмехнулся сосед.

– Я не заметил, как вы ее взяли.

– Ты не заметил, и Анна не заметила. Приходится вертеться в условиях наложенных на меня собственной супругой санкций.

– Что за санкции?

– Ограничение в употреблении спиртного. Аннушка похлеще всякого Обамы будет. Но я тоже не первый год живу. На санкции отвечаю контрсанкциями.

– Да, веселая у вас тут жизнь.

– Какая она, к черту, веселая? Ну, пойдем на кухню, по стопорю пропустим. А потом делами займемся.

– Я ничего особого не планировал на сегодня.

– Спать на полу будешь?

– Почему?

– Потому что кровать в спальней собрать надо. И диван в зале надо закрепить, разболтался.

– С чего?

– От времени! Или, – улыбнулся Маслов, – может, оттого, что много девиц в прошлый отпуск домой приводил?

– Да не приводил я никого.

– А я не в упрек. Но сделать кое-что придется. Ту же пыль протереть, полы помыть. Но это мы Анне поручим.

– Нет! – отрезал Павел. – Уборку сделаю сам. И вообще, дядя Жора, все сделаю сам. Что надо, соберу, что надо, подверну.

– И в магазин сходишь? В новый? Старый-то снесли, там теперь дом строят.

– Ну, если в магазин...

– Во, а я о чем? Идем на кухню, Аннушка не задержится.

Мужчины прошли на кухню. Маслов достал стаканы, открыл бутылку, разлил водку:

– Давай, Паша, за проезд.

– Как-то не по-людски, дядь Жор.

– А по-людски позже посидим. Это так, для тонуса жизненного.

Выпили. Закурили, закусить было нечем.

Маслов успел поставить почти пустую бутылку в шкаф, как в кухню вошла Анна Сергеевна. Подозрительно посмотрела на мужа, на Павла и сделала категоричный и верный вывод:

– Выпили уже. Ну, Георгий, креста на тебе нет.

– Как это нет? Есть. Всегда при мне. Только в парной снимаю.

– Ладно, – махнула она рукой. – Надо кровать собрать.

– Я все сам сделаю, Анна Сергеевна, вы не беспокойтесь, – остановил ее Кулагин.

– Ну, тогда иди, старый, в магазин, я тут написала, что купить надо. – Она передала мужу тетрадный лист и вдруг спохватилась: – А деньги-то у тебя, Паша, есть?

– Есть, конечно, сколько надо?

– По списку тысяч пять хватит. Но если проблемы с финансами, я дам.

– Есть, есть, Анна Сергеевна.

Кулагин вручил соседу оставшиеся карманные деньги, и тот ушел в магазин. Пошла и Анна Сергеевна разогревать борщ, ее фирменное блюдо. Павел же решил заняться диваном, но увидел, что тот вполне в нормальном состоянии. И чего гнал Степаныч? Кровать действительно разобрана, но она пока и не нужна. Уборку вместе со стряпней сделает завтра. Постель?

Он открыл платяной ящик старой, еще советских времен, оттого и крепкой до сих пор стенки. Постельное белье лежало на полках аккуратными стопками. В антресолях подушки, матрасы, одеяла. Все, что нужно.

Павел прошелся по квартире. Поправил фотографию матери в траурной ленте, одернул шторы, от которых тут же поднялась пыль. Открыл окна. На улице прохладно и пахнет дождем, но проветрить квартиру просто необходимо. Он успел проверить и работу сантехники, и газовой колонки, и плиты, и электрического чайника, и света. Все было в порядке.

Маслов вернулся с двумя объемными пакетами. Первым делом выставил на стол две бутылки водки по 0,7 литра, кратко бросив:

– Праздник все же. – Затем начал доставать продукты. Выложив все, присел напротив Павла: – Точно по списку. Да, погоди, сдача.

Через час усилиями Анны Сергеевны был накрыт нехитрый стол. Все трое сели на табуретки.

Под укоризненным взглядом супруги Георгий Степанович ловким движением снял пробку с бутылки, разлил по рюмкам и, подняв свою, объявил:

– Тост, господа – товарищи.

– Только не тяни kota за хвост, – попросила Анна Сергеевна.

– Самый короткий тост в моей жизни, – за возвращение Пашки!

Все выпили, принялись за закуску.

Кулагин проголодался. Утром и днем после обильного возлияния на «отходной» есть не хотелось, только пить, сейчас же молодой организм дал знать о себе.

За первой рюмкой последовала вторая, третья. Третий тост объявил сам Кулагин – за тех, кого нет рядом. После того как была опустошена первая бутылка, завязался разговор. Анну Сергеевну интересовала личная жизнь соседа, которого она знала еще пацаном. Дом заселили, когда Павел только пошел в школу.

– А ты, Паш, до сих пор так один и живешь? – спросила она.

– Да, Анна Сергеевна, один.

– Чего так? – вторил супруге Георгий Степанович.

– Да вот не нашел такую, как ваша супруга, – улыбнулся ему в ответ капитан.

– Скажи, не хочешь связывать себя узами брака, – проговорил Маслов, открывая вторую бутылку. – Кстати, Паша, правильно делаешь. Одно дело, когда с бабой без росписи, гражданским браком живешь, и совсем другое, когда все официально. Без росписи ты ничем не связан, никакими обязательствами. И баба при тебе, и свободен. Если что не так, взяли да разбежались, а вот со штампом в паспорте не разбежишься. Да и бабы, они такие, до свадьбы прямо ангелочки, а как закольцуют, так сразу начинают под каблук мужика загонять.

– Тебя загонишь, – усмехнулась Анна Сергеевна.

– Меня бесполезно, – гордо поднял голову сосед, – я такой, сам по себе.

– Это вообще-то заметно, Георгий Степанович, – рассмеялся Кулагин.

– А чего? Разве не так?

– Оставим эту тему, – оборвала мужчин Анна Сергеевна. – Что бы, Паша, ни говорили, а без женщины, без жены мужчине нельзя. Кстати, у моей давней подруги еще по работе, дочка недавно развелась. Умница, красавица, скромная, правда, дочка у нее, но ведь это не главное?

– Уж не сватаешь ли ты Пашу? – посмотрел на жену Маслов.

– Отчего нет? Ну, что он будет один маяться?

– А ты вот объясни, Анна, если дочка твоей подруги и умница, и красавица, и скромница, почему от нее мужик ушел?

– Потому что на водку семью променял. Ему больше друзья были нужны, чем жена и дочь.

– Э-э, дорогуша, нет, от хорошей жены мужчина не уходит. Я вот не ушел же, хотя, честно говоря, достала ты меня с пьянкой хуже пареной репы. Пора бы понять, что ничего не изменится. Старые мы, чтобы меняться.

– Это вы-то старые? В ваши годы еще детей заводят, – снова улыбнулся Кулагин.

– Ну, ты дал. Смотри, Анна, яйца курицу начали учить. Свою жизнь наладь для начала и до моих лет доживи.

– Постараюсь.

– Почему бы тебе, Паша, не познакомиться с Ларисой? Ну, хотя бы просто так сначала. А там, глядишь, и получится что, – не оставляла Анна Сергеевна животрепещущую тему потенциальной невесты.

– Вряд ли, – ответил Павел.

– Но почему? Многие сходятся из тех, кого знакомят друзья или вот как мы, соседи.

– Да я не спорю, Анна Сергеевна, но не готов к семейной жизни. Не представляю себя в роли жениха. Не по мне все эти ухаживания, цветы, хождения по кафе, кинотеатрам, прогулки по паркам. Я к такой жизни не привык. Возможно, привыкну, позже, сейчас нет.

– И что, так и будешь куковать один в своей квартире? Одному, Паша, плохо, мы с Жорой хоть поругиваемся иногда, а хоть есть с кем просто поговорить. А одному с кем разговаривать? Со стенами да с мебелью?

Кулагин прикурил сигарету, встал из-за стола, подошел к окну, за которым от ветра качалась высокая и развесистая береза, которую посадили жильцы на новоселье, и задумчиво произнес:

– Одиночество не тяготит меня, Анна Сергеевна. Да я другой жизни и не видел. Служба занимала почти все время.

– Во, за службу надо выпить, – воскликнул Маслов, разливая водку из второй бутылки. – Расскажи, Паша, где служил-то?

– А разве в отпуске не рассказывал?

– Нет, спрашивал, ты не ответил. Да и был-то ты дома неделю, не больше.

– Рассказывать нечего. Служил в отдельном рембате заместителем командира по вооружению.

– Серьезная должность, у нас такой не было.

– Заместитель по вооружению – такой же зампотех.

– А-а, – кивнул опьяневший Маслов, – зампотех был. – Он поднял вверх большой палец: – Вот такой мужик. Бухал только по-черному. Списали его. Погоди, тебя, случаем, не за то же уволили?

– Нет, дядя Жора, меня сократили. Вернее, всю часть расформировали, молодых офицеров, лейтенантов, старших лейтенантов по другим частям разбросали, ну, а меня и других замов вместе с комбатом на «гражданку».

– Странно, сейчас вроде армию, наоборот, усиливают, из-за Украины и НАТО.

– Усиливают боевые части, а тыловиков сокращают. Хотя, возможно, только наш батальон и расформировали.

Кулагин не имел права раскрывать то, где на самом деле проходил службу. Про рембат он сказал случайно. Первое, что пришло в голову.

– Теперь пенсию хорошую положат, у военных пенсия, столько на «гражданке» честно не заработаешь, – покачал головой Маслов.

– Да нет, дядя Жора, до пенсии выслуги лет не хватает. Льготы какие, может, и будут, а вот пенсию придется зарабатывать, как все.

– А сколько ты прослужил, Паша?

– С училищем почти двенадцать лет, без училища – семь.

– Ну?

– Что ну?

– У нас в соседнем подъезде Бориса Косого сын ротным из полка местного уволился. Тоже капитана получил и уволился, но уже полгода, как «бабки» в части получает, хату ждет. Борис говорил, пока квартиру ему не дадут, будут платить, а потом пенсия. И получает сын его эти деньги. А прослужил, если брать пять лет училища, на два года меньше, чем ты.

– Так сын вашего друга в боевой части служил.

– Это да. У них один батальон постоянно где-то на Кавказе стоит.

– Вот видите, боевым офицерам платят, тыловикам нет. И это справедливо.

– Ни хрена не справедливо.

– Да что об этом, дядь Жор? Я молодой, здоровый, заработаю себе на жизнь.

– Само собой, но с пенсией оно повеселее было бы.

– Кто спорит, но ничего не поделаешь.

– Кем работать думаешь?

– А что, сейчас в городе много вакансий?

– Да, с работой напряги, – вздохнул Маслов. – Нет, сторожем куда-нибудь на «десятку» сутки через трое устроиться можно, но разве это зарплата? Половину за жилье отдашь, второй половины только на хлеб и хватит.

– Будем смотреть, дядь Жор. На первое время деньги есть. Проведаю одноклассников, однокурсников, что в городе остались. Кто-то должен был или в чиновники, или в бизнесмены выбраться. Устроюсь.

– Без базара, – проговорил сильно опьяневший Маслов. – А теперь спать.

– Вот так всегда, Паша, пьет, закусывает, разговаривает вроде по делу, а потом словно мозг выключается, – пожаловалась Анна Сергеевна.

– Бывает. Давайте я дотащу его до кровати.

– Дотащи, Паш, а то мне тяжело. Это раньше носила его со двора, сейчас здоровье уже не позволяет.

– Да какие проблемы, занесу, вы двери откройте, пожалуйста.

Кулагин перенес Маслова в соседнюю квартиру, уложил на кровать в спальне, Анна Сергеевна раздела его и вернулась к Павлу, убрала все со стола, помыла посуду. Уходя, напредила:

– Так ты о Ларисе подумай, Паша. И как о женщине, и как о хозяйке. Мужика обустроить, кормить надо.

– Подумаю, – пообещал Кулагин.

Закрыв за соседкой дверь, он снова прошел на кухню. Спать не хотелось. За окном пошел дождь, не по-летнему мелкий и нудный. Павел присел на табурет, закурил. Неожиданно его сотовый пропиликал сигналом вызова. Он удивился, интересно, а это кто еще, да в такое время? Часы показывали, без пяти одиннадцать.

– Кулагин? Не спишь? – Это звонил его теперь уже бывший командир отряда спецназа «Центр» полковник Данилов.

– Хороший вопрос, товарищ полковник.

– Ну, я в смысле, не разбудил?

– Нет.

– Уже дома?

– Дома.

– И что делаешь?

– Водку пью!

– Серьезно?

– По голосу незаметно?

– Не заметно.

– Тем не менее.

– Ты это, Паша, брось, водка еще никого до хорошего не доводила.

– А трезвый образ жизни? А образцовое исполнение своих обязанностей? А выполнение практически всех боевых задач? К чему это привело? К тому, что меня как щенка выбросили со службы?

– Ну, кто виноват, что ты генерала из кадров на хер послал да еще и по роже съездил? – вздохнул полковник.

– Разве я мог поступить иначе, когда этот кретин начал к консьержке общежития приставать? Лапать замужную женщину, кстати, замужную за офицером нашей группы!

– Мог бы как-нибудь иначе, хотя... я бы поступил точно так же.

– Но знаете, Александр Сергеевич, что больше всего во всей этой истории обидно? То, что никто нашей стычки не видел. Ольга, и та убежала, а командование приняло решение исключительно по рапорту генерала. Ведь по существу дела никто серьезно и не разобрался. Приехал штабной майор, три дня просидел в гарнизоне, минут пятнадцать со мной поговорил, не вникая в мои объяснения, и уехал. А потом – хлоп, приказ. Да еще с пояснением, что я легко отделался. Мог и под трибунал залететь. Почему генералу поверили на слово, а меня толком никто не выслушал?

– Я выслушал. Вот только отстоять не смог.

– Я имею в виду начальство на Лубянке.

– Потому что он – генерал.

– Вот именно. А права-то у нас одни и те же.

– Что теперь об этом, Паша, говорить?

Кулагин сделал несколько затяжек, успокоился:

– Ладно, проехали, товарищ полковник. Спиваться я не собираюсь.

– Вот это правильно.

– А вы звоните просто так или есть какое дело?

– Сообщить хотел, отряд наш расформировывают.

– Не понял? Почему? – удивился Кулагин.

– Решено создать бригаду, которая объединяла бы несколько крупных подразделений специального и особого назначения.

– Комбригом вас поставят?

– Да нет, Паша, твой лучший друг генерал Бараненко подыскал другую кандидатуру. Меня в Центральное управление переводят. Беру с собой и майора Горшкова. Так что через неделю мы в кабинетах на Лубянке сидеть будем.

– Тоже неплохо. То, что командира группы с собой взяли, хорошо. Макс – тыловой офицер, только сможет ли он приспособиться к штабной работе?

– Сможет. Мы в Управлении по борьбе с терроризмом служить будем. Я назначен начальником отдела специальных мероприятий и заместителем начальника управления, Максим – старшим офицером отдела. Займемся планированием этих самых специальных мероприятий.

– И все равно это не оперативная работа.

– Хорошо хоть так. Тебе помощь в обустройстве нужна?

– Да нет.

– Ты вот что, не отнекивайся. Тебе и удостоверение на военный билет поменять надо, и зарегистрироваться, и встать на учет в военкомат по документам армейского офицера требуется. Это, как правило, бюрократическая нервотрепка.

- Вы имеете что-то предложить?
- Не что-то, а кого-то. Ручка и листок под рукой есть?
- Где-то были.
- Найди!
- Минуту.

Кулагин прошел в гостиную, открыл секретер, там лежал и блокнот, и автоматический карандаш.

- Нашел.
- Записывай мобильный номер: 8(910)... Записал?
- Так точно.

– Это номер капитана управления ФСБ по вашей области. Я с его старшим братом в академии учился. Он сейчас тоже в управлении, вот дал номер брата. Записывай – капитан Орехов Геннадий Андреевич. Созвонись с ним, он решит все проблемы. Оперативно и качественно. И вообще, поможет, если что.

- Из-за этого звонили?
- Ты, Паша, обиду-то забудь. Новую жизнь начинаешь.
- Я бы предпочел жить прежней!

– Ничего уже не изменишь. Хотя черт его знает, как все сложится. Жизнь, она такая штука, иногда так развернет, что невозможное станет реальностью. Ну, ладно, не буду тебе надоедать. Ты не пропадай, звони!

- Конечно, товарищ полковник.
- Спокойной ночи, Паша.
- Спокойной, Александр Сергеевич.

Кулагин, отключив телефон, бросил его на стол и подошел к окну. Дождь усилился. Он хлестал по ветвям березы и дробью рикошетил на стекло. Под такую «музыку» только спать, даже если не хочется. Павел постелил себе в гостиной, прилег на диван. Он вспомнил инцидент с генералом, который привел к увольнению. Это произошло три месяца назад. Группа недавно вернулась с боевого выхода и занималась по распорядку дня. Отряд дислоцировался на территории танкового полка мотострелковой дивизии Западного военного округа, который был создан на базе Московского и Ленинградского военных округов. Семейные офицеры отряда проживали в Москве, холостяки, в том числе и Кулагин, в офицерском общежитии. Дежурными, или, как их еще называли, консьержками, работали жены офицеров, преимущественно танкового полка, но устроилась в общежитие и жена лейтенанта, переведенного из ВДВ в отряд, в резервную группу. В тот ненастный мартовский вечер, когда на смене была Ольга Уранова, жена лейтенанта из отряда, в полк на «Ми-8» прилетел заместитель управления кадров Службы, генерал-майор Бараненко Всеволод Антонович, пухлый, какой-то непромытый мужчина, на вид гораздо старше своих пятидесяти лет. В боевых подразделениях, вероятно из-за имени и повадок, к нему прилепилась кличка «Сева мутный». Прилетел он для решения каких-то своих вопросов. Недолго пообщался с командиром отряда и отправился к танкистам. Те встретили московского «шишку» из самой ФСБ более чем радушно. Сауна, водочка, шашлычок. К десяти его привезли в общежитие, где рядом с холлом и местом дежурной находились генеральские апартаменты со всеми удобствами. Пьяный Бараненко, видно, положил глаз на симпатичную Ольгу, и когда в общежитие вошел Кулагин, задержавшийся за бильярдом в офицерском клубе, он увидел, как Сева мутный, брызгая слюной и кряхтя от напряжения, тащил молодую женщину в апартаменты, прикрикивая при этом: «Ну, что тебе стоит, дурочка, утешить старика? Мы ненадолго, часик побалуемся, никто не узнает, а я твоему мужу помогу. Моя помощь дорого стоит». Ольга отбивалась, но Бараненко был сильнее.

- А ну, боров, отстал от женщины! – прямо от порога выкрикнул Кулагин.

Это произошло неожиданно, и генерал отпустил дежурную, которая мгновенно скрылась в своей комнате отдыха.

– Капитан Кулагин? Оборзел? Совсем страх потерял? Ты как меня назвал? – возмутился генерал.

– Ступайте, товарищ генерал, проспитесь.

– Ты, щенок, мне еще указывать будешь?! А ну, пошел вон отсюда!

Павел, внутри которого все полыхало от ярости, все же стерпел и сказал довольно спокойно:

– Вообще-то я здесь живу.

– Отжился и отслужился. Я тебя из службы как санный матрас вышвырну. Будешь, щенок, скуля, подыхать под забором.

– А не пошел бы ты на хер, чучело ряженое! – не выдержал Кулагин.

– Что?!!

Бараненко сделал глупость – он кинулся на боевого офицера. И получил встречный удар в челюсть, от которого вылетел в коридор.

– Уйди, клоун, не позорь погоны, – проходя мимо него, процедил Павел.

– Ну, сука, ты пожалеешь, что решил связаться со мной. Ой как пожалеешь!

Генерал еще что-то бормотал, но капитан уже не слышал, войдя к себе в номер. Утром он доложил об инциденте полковнику Данилову.

– Да в курсе я, – покачал тот головой. – С утра достал этот Сева. Выслушал вчерашнюю историю, правда, в совершенно иной интерпретации.

– В смысле? – удивился Павел.

– А ты думал, он себя виноватым выставит?

– Кого же?

– Ты наивный или прикидываешься, конечно, тебя!

– Вот козел!

– Кто бы спорил. Так что получается, Паша, это ты пьяный приставал к Ольге Урановой, генерал пытался тебя урезонить, но ты его ударил. Кстати, он уже в полковом медпункте взял справку о повреждении лица, видно, хорошо ты его хлестанул.

– Да какой там, товарищ полковник, если бы хорошо, то его в госпиталь с переломанной челюстью еще ночью увезли бы.

– Короче, Паша, попал ты. Жди подарков, Бараненко не из тех, кто пропускает такое.

– А мне плевать!

Кулагину действительно тогда было плевать на Бараненко. Ну и что, что снял генерал побои? И не побои, а синяк может быть, мало ли обо что по пьянке ударился? Их контакт никто не видел. Значит, и слова генерала ни подтвердить, ни опровергнуть никто не сможет. Ольга же, напротив, подтвердит, что к ней приставал не трезвый капитан, а пьяный генерал. Он даже не пошел в тот же полковой медпункт, чтобы взять справку об отсутствии алкоголя в крови, дабы потом доказать, что был трезв. Но недооценил он Бараненко, степень его подлости и цинизма. Уже вечером в гарнизоне появился дознаватель. Мелкий, неприятный тип из управления по воспитательной работе в звании майора. Он вызвал Кулагина, задавал вопросы, на которые Павел подробно отвечал, записывал ответы, только как-то быстро. Допрос, если так можно назвать разговор с майором, занял не более пятнадцати минут. После него он так же быстро поговорил с Ольгой, с офицерами из ближних к холлу номеров и укатил в Москву. А потом как гром среди ясного неба, через три месяца – приказ об увольнении капитана Кулагина за проступки, дискредитирующие воинское звание офицера. Впрочем, в приказе стоял только номер статьи. И после реформ она звучала несколько иначе, что никак не помешало делу. Его, капитана Кулагина, кавалера ордена «Мужества», медалей «За боевые заслуги» и «Воинскую доблесть», как и обещал генерал Бараненко, выпихнули из службы. Когда пришел приказ, к

нему заходили Урановы. Ольга извинялась, оказывается, майор пригрозил ей неприятностями мужу, и она подписала чистый бланк.

Лейтенант обещал дойти до самого главного начальника, но Кулагин осадил пыл молодого офицера. И Ольгу успокоил, все, мол, правильно сделала. А дальше?.. Дальше Кулагин незаметно уснул под мирный стук дробинки дождя о балконное стекло гостиной. И спал крепко, без сновидений. Водка, как снотворное, сделала свое дело.

С утра пятницы, когда Павел брился, в прихожей раздался звонок. Он смыл пену, положил станок, прошел в прихожую, открыл дверь, уже наверняка зная, кто мог быть ранним гостем. И не ошибся, у порога стоял немного с припухшим лицом сосед.

– Привет, Паша, – прохрипел он. – Как сам? Болеешь?

– Проходите, дядь Жора.

Маслов вошел в прихожую, захлопнул за собой дверь и повторил вопрос:

– Болеешь?

– Нет! Так, слабость небольшая, пройдет.

– Тебе хорошо, я помню, молодым после пьянки утром как «огурец» вставал, и на работу.

А сейчас вот мутит, на рвоту тянет. У нас осталось что-нибудь?

– Да больше половины бутылки.

– Правда? – встрепенулся сосед. – Налей. Сил нет терпеть.

– Я бреюсь, дядь Жор, давайте вы уж как-нибудь сами. Водка в холодильнике, посуда знаете где.

– Ага!

– И как вас Анна Сергеевна отпустила?

– Ага, жди, отпустит, – уже в кухне ответил Маслов, – в магазин она пошла, а я сразу к тебе.

– Понятно, тогда быстрее похмеляйтесь. Иначе скандал будет.

– Я бы с радостью, но быстро не получится.

– Почему?

– Не проходит первая, хорошо, если вторая проскочит. Особенности организма.

Кулагин вернулся в ванную, вновь намылился, добрился, сбрызнул лицо дорогой туалетной водой – подарком Ольги Урановой. Прошел на кухню. Ни бутылки, ни стакана, ни рюмки, ни тарелки с закуской на столе не было. Пришедший в себя Маслов курил, сбрасывая пепел в пепельницу, перекочевавшую с подоконника на столешницу.

– Удивительно, Паша, с первого раза взяла.

– Легче стало?

– Не то слово. Сейчас я себя человеком чувствую.

В прихожей раздался звонок.

– Это меня, – затушил окурок в пепельнице Маслов.

– Да вроде больше и некому.

Спустя минуту в кухню вошла Анна Сергеевна.

– Ну, и шустрый ты, Жора, не успела я за порог, так ты уже у соседа. Совесть бы поймел.

– Да ничего, Анна Сергеевна. Я вам всегда рад.

– Посмотрю я на тебя, когда месяц пройдет. Радости полные штаны будут от его пьяных визитов.

– Ну, ты, Аннушка, совсем уж не утрируй. Что я, каждый день пью, что ли?

– Скоро без водки встать не сможешь.

– А я вот возьму и брошу.

– Помолчи. Сколько ты уже бросал? Я и со счета сбилась, – махнула рукой Анна Сергеевна.

– А теперь брошу, теперь у меня сосед есть нормальный, не то что другие хмыри. Живут по принципу: мой дом – моя крепость. Ни посидеть во дворе, ни поговорить душевно за баночкой пива, ни в домино забить. Из дома на работу, с работы домой. Сейчас, Паша, – повернулся он к Кулагину, – деньги, как раньше, в долг не возьмешь. Не дадут. «Лопатник» набит, а не дадут, скажут, нету. Каждый стал сам по себе. А мы с Пашей и на дачку съездим, и на рыбалочку, и просто так посидим. Да хоть тот же футбол будет с кем посмотреть.

– Говоришь-то ты все верно, да только веры тебе, Жора, нет, – вздохнула Анна Сергеевна.

– Не веришь, не надо. Но когда брошу пить, узнаешь, кто в доме хозяин.

– Ты сначала брось. Так, хватит ненужных разговоров!

Маслова взглянула на Кулагина:

– Что сегодня планируешь делать?

– Уборкой заниматься, ремонтом мебели, дел на весь день хватит.

– Ты вот что, шторы и тюль с оконними и принесешь мне, белье какое грязное тоже. Я все одно стирать собиралась. Перестираю и твое. А вот окна придется тебе самому мыть.

– Вымою, какие проблемы?

– Так, Жора, встал и помогай Паше снимать шторы, я пойду ванну наберу. И смотри, ни капли больше, ты обещал.

– Ступай уже.

Павел с Масловым быстро сняли шторы и тюль, среди белья Кулагин выбрал несколько простыней, с этой ношей и ушел Маслов.

А Павел принялся за уборку...

Глава вторая

К вечеру в квартире Кулагина висели и тюль, и шторы. Павел был доволен. Погода наладилась, дождь прекратился, и светило солнце. Кулагин решил прогуляться до нового магазина, узнав у соседки, где сейчас находится супермаркет. Он достал из накоплений десять тысяч и вышел из квартиры. Во дворе было довольно много людей, но он их не знал. Когда уже приближался к супермаркету, неожиданно рядом с тротуаром затормозила «Тойота», и из нее буквально выпрыгнул молодой мужчина:

– Пашка?

– Пузырь? – удивился Кулагин.

Он не сразу узнал своего одноклассника, Валерия Пузырева. Они в школе особо не дружили, тот был, как сейчас говорят, «ботаником», отличником, усердным учеником и, поговаривали, стукачом классного руководителя, но какие-то отношения все же поддерживали, что, правда, не мешало Пузырю не давать списывать. Противоречивый был парень. Но никто на него злобы не таил, в основном не обращали внимания.

– Эка ты вспомнил мое «погоняло» школьное. Пузырем я был так давно, что уже и забыл. Сейчас я – Пузырев Валерий Вячеславович, не последний человек в этом городе, владелец автосервиса.

– Поднялся, значит?

– В наше время только дурак или лентяй не поднялся. Хотя после института пахал на заводе, инженером. Как пошла приватизация, отхватил часть склада. Там сначала автомойку организовал, а как землицы прикупил, то и автосервис построил.

– Да, тебя не узнать. Никогда бы не подумал, что ты станешь бизнесменом, – покачал головой Павел.

– Никто не думал, а я взял и стал. Потому что вовремя мозги включил.

– Молодец, нечего сказать. Значит, в полном порядке?

– В полном. Слушай, а чего мы на улице торчим? Тут кафе недалеко, заедем, посидим, выпьем?

– Так ты же за рулем.

– А у меня водитель.

– Во как? Личный водила.

– А то! «Бабки», слава богу, есть, дело процветает, несмотря на кризисы.

Подумав, Кулагин согласился.

В полупустом, несмотря на вечернее время, кафе посетителей оказалось немного. Бывшие одноклассники устроились в отдельном кабинетике. Официант оказался знакомым Пузырева и без всякого меню сразу принес триста граммов виски, холодной закуски, сок.

– Ну давай, за тебя, – поднял бокал Пузырев.

Второй тост был, естественно, за него, а третий Кулагин выпил за тех, кого нет.

Пузырев сначала не понял, потом вспомнил:

– Черт, совсем забыл, ты же у нас военный. До каких чинов дослужился?

– До капитана.

– Что-то негусто. А помнишь, как ты увел у меня Таньку Валееву? В десятом классе?

– Скажешь тоже, увел. Она что на тебя не смотрела, что на меня. Ей тогда был нужен принц в полном фарше.

– Но когда я пригласил ее на танец, она пошла, и на второй согласилась, а ты перебил.

– Со мной она тоже недолго танцевала, переметнулась к сыну директора филармонии из соседнего класса. Интересно, как она сейчас?

– Танька сейчас в шоколаде, – откинувшись на спинку дивана, сказал Пузырев.

- Тоже бизнесвумен?
- Она теперь госпожа Шордер, гражданка Израиля. Удачно вышла замуж и укатила в Тель-Авив. Мужик у нее крутой предприниматель. На форумы сюда в Москву приезжает.
- Короче, Танька своего не упустила.
- Глупо было бы с такой фигурой и внешностью.
- Наших кого видишь?
- Почти нет. Слышал, Толька Родин от рака умер, а Серега Жданов, который, как и ты, после школы в военное училище подался, а потом почти все время в нем же и преподавал, на охоте погиб.
- Как это?
- А кто знает, Паш? Поговаривали, что случайно друг его за кабана принял и снес голову из двух стволов.
- Да, новости ты мне сообщил «хорошие».
- Так она жизнь такая, Пашка. Кому все, кому ничего. Кто раньше уходит, кто позже. В результате все там, – указал он пальцем на потолок, – будем.
- Это точно. Слушай, Валер, раз у тебя дело процветает, может, и для меня найдешь местечко? По старой дружбе?
- В смысле? – удивился Пузырев. – Ты же служишь, капитан.
- Отслужил я свое, Валера, в запас уволили.
- С чего бы такого молодого? Сейчас вроде прошли времена, когда из армии пачками сваливали.
- Одни времена прошли, другие настали. В общем, не служу я больше. И пенсии нет, и работы.
- У Пузырева, кажется, зачесалось все, что могло зачесаться.
- Ты, это, Паш, без обиды. Дело процветает, но вакансий нет. На хреновую зарплату очередь. А я плачу хорошо. Если бы раньше знал, за полгодика, что тебе работа будет нужна, придумал бы что-нибудь.
- Ну, у тебя нет, может, у кого другого есть? Ты же в городе не последний человек, – улыбнулся Кулагин.
- Надо подумать. Так с ходу не скажу. Поговорить кое с кем надо. Ты по профессии кто?
- Специалист широкого профиля, могу директором, могу водителем, могу киллером.
- В смысле, киллером?
- Да пошутил я. Просто стреляю хорошо из всех видов оружия. Научился в свое время.
- Понятно. Но по диплому кто?
- По диплому, Валера, я инженер по эксплуатации и ремонту автомобильной и гусеничной техники.
- Да, специальность более чем «востребованная», особенно касаясь гусеничной техники. И опыта работы на «гражданке» нет, – почесал нос Пузырев.
- Откуда? Зато есть опыт работы с личным составом.
- Вот только на «гражданке» нет никакого личного состава. Слушай, а ты в полицию не хочешь пойти?
- Кем?
- Ну, хотя бы участковым. С умом можно неплохие деньги делать.
- Не возьмут.
- Почему?
- Долго объяснять. Но не возьмут ни в полицию, ни в МЧС, ни даже в УИН.
- Тебя что, выгнали из армии?
- Можно сказать и так.

– А я-то еще подумал, почему ты без пенсии уволился. Сейчас даже старшим лейтенантам при увольнении пенсию назначают и хаты дают, за училищем целый микрорайон для таких уволенных построили.

– Ну, с хатой у меня порядок. Мне работа нужна.

– Это я уже слышал.

– Поможешь?

– Сказал же, поговорю, с кем надо. Ничего не гарантирую, но постараюсь.

– А тебе телохранитель не нужен?

– Нет! Не от кого охранять. Да и лишних денег нет.

– Ясно!

Пузырев вдруг заторопился:

– Мне надо жену встретить, она заканчивает поздно. Паш, может, потом как-нибудь посидим по-хорошему?

– Может, и посидим. А ты изменился, – глядя на него, задумчиво произнес Кулагин.

– Говорил уже, жизнь такая. Не хочешь – изменишься, – усмехнулся одноклассник, вызвал официанта, бросил на стол несколько купюр: – Сдачи не надо.

– Спасибо, Валерий Вячеславович.

– На здоровье, – ответил тот и повернулся к Павлу: – Тебя подвезти?

– Не надо, я в супермаркет шел.

– Он тут недалеко.

– Знаю!

Они вышли на улицу. Ко входу тут же подкатила «Тойота».

– Если что узнаю, Паш, позвоню. Ну, давай, рад был встретиться.

– Взаимно.

Пузырев сел в машину, и внедорожник, взяв с места, скрылся за поворотом к проспекту. Кулагин усмехнулся: позвонит он, куда? Номера телефона не взял. В общем, как был Пузырь, так Пузырем и остался. Ну, и хрен с ним! Но настроение ухудшилось.

Павел зашел в супермаркет, прикупил продуктов, в основном быстрого приготовления и долгого хранения, он не был любителем ходить по магазинам. Подумав, взял и бутылку водки, а на выходе – два блока сигарет. С фирменным пакетом вернулся домой.

Сел на табурет в кухне и задумался.

Вот и еще один день на «гражданке» прошел. А что толку? Завтра надо посмотреть тачку да заняться документами, регистрацией, военным билетом. Если машина на ходу, уже проще. У него была «семерка», купленная с рук еще в 2002 году. Старенькая, таких в городе почти не осталось, но в прошлом году в отпуске он накатал на ней без проблем более двух тысяч километров. «Семерка» стояла в гараже кооператива «Заря», сразу за районным отделом полиции. В отпуске он заплатил взносы за год вперед, так что с этим вопросов к нему не будет, если, конечно, не подняли тарифы, пока он отсутствовал. Тогда придется доплачивать.

Черт! А «гражданка» дороговато обходится. Раньше он об этом как-то не думал. Теперь пришло время не только думать, но зарабатывать деньги на существование. Долг за квартиру тоже наверняка не малый. Его сбережений так надолго не хватит. Надо искать работу. Вопрос, где искать и какую? Но этим он тоже займется завтра, а сейчас...

Капитан спецназа, профессионал по борьбе с терроризмом, отличный стрелок и рукопашник, владеющий всеми видами оружия, в том числе и холодным, способный решать задачи любой сложности, в любых условиях и в любой местности, машинально достал из пакета бутылку водки. Посмотрел на этикетку. «Столичная». И зачем взял? Но понял вдруг, что ему, возможно впервые, захотелось выпить безо всякой причины, одному, в тишине квартиры.

Он открыл бутылку, выставил на стол граненый стакан, пить так уж из нормальной посуды, а не из «наперстков», не на Западе, из пакета достал хлеб и кусок копченой колбасы,

наспех сделал бутерброд, поставил на стол пепельницу. Налил стакан, в три глотка выпил двести граммов, не поморщившись. Проглотив бутерброд, прикурил сигарету. А что дальше? Вот так за бутылкой каждый вечер? Ведь его лишили главного – смысла жизни, и сейчас Кулагин начал это отчетливо понимать. Без службы, без войны он – никто. Что для него «гражданка»? Ему бы в отряд, да сразу на боевые. Но... об этом теперь придется забыть и либо менять себя, либо подыхать от водки. Он налил второй стакан. Выпил. Водка начала действовать. Выкурив еще две сигареты и допив бутылку, он переложил купленные продукты в холодильник, прошел в гостиную, сел на диван и раскрыл газету, которую купил в супермаркете. В ней, в частности, был раздел, посвященный поиску и предложению работы.

– Так, – проговорил Павел, облокотившись на спинку дивана, – требуется сварщик, прораб, каменщик, штукатур-маляр, рабочие в строительную компанию, менеджеры продаж.

Дальше шло примерно тоже, и Кулагин вздохнул.

Похоже, люди требуются только на стройку. И так домов понаставили, где только можно и где нельзя, но для кого-то можно. Такое ощущение, что в Переславле как минимум полтора миллиона населения. На самом деле оно не доходило и до семисот тысяч. Для кого тогда квартиры? Или недвижимость как средство вложения денег? Но тогда получается, полгорода не знает, куда девать «бабки». Что-то по соседу, и тех, кого он видел у супермаркета, прогуливавшихся по тротуарам, – сквер тоже был застроен шестнадцатиэтажной «свечкой», – этого не заметно. Ну, да ладно. Он не сварщик, не прораб, не менеджер и даже не штукатур-маляр, хотя этому делу несложно научиться, да вот идти в ученики как-то запахло. Боевой офицер – и ученик штукатура...

Может, свалить куда-нибудь на Север? Но опять, кому он там нужен? Охранять газовое или нефтяное месторождение и без него желающих хватает. Все давно забито. Вот ведь жизнь, диплом есть, профессии нет. Или действительно в киллеры податься? Но он даже на войне не мог стрелять в безоружных. В общем, полная задница. Хотя почему? Работает же таксистом Борисыч? И у него, Кулагина, машина есть. Подмарафетить, и пойдет. «Штуку»-то в день он заработает? Да и Борисыч поможет устроиться у вокзала. Это можно с ним перетереть, но до этого надо посмотреть машину.

Утром Павел встал в шесть утра. Рано лег, рано встал, впрочем, он всегда вставал рано. Сбросив одежду, в которой незаметно для себя уснул, прошел в ванную, принял душ, побрился, побрызгал гладкий подбородок туалетной водой. Затем нашел свою борсетку, вложил в нее документы, надел джинсы, майку, новые кроссовки и, выйдя из квартиры, отправился в гаражный кооператив «Заря», где стояла его выдавшая виды «семерка».

У шлагбаума Павла встретил охранник гаража, тоже военный в прошлом, майор запаса Анатолий Петрович Попов. У него была хорошая перспектива сделать карьеру, лейтенантом уже командовал ротой, но во время учебного вождения молодой солдат опрокинул автомобиль, в котором находился ротный. Попов получил тяжелые увечья, солдат же отделался легким испугом. К лейтенанту отнеслись по-человечески, оставили в армии, тогда еще советской, назначив для прохождения службы в Переславский областной военкомат, где он дослужился до звания майора и был уволен в запас по выслуге лет.

– Кулагин? Здорово! Давненько не показывался. Сейчас что, в отпуск?

– Нет, Анатолий Петрович, выгнали меня из армии.

– Да ты что! Натворил чего? Или пил беспробудно?

– Не сошелся характером с высоким начальством.

– Понятно. Такое часто бывает. В общем, остался, как понимаю, без пенсии.

– Без пенсии.

– Это плохо.

– Что поделать? Будем привыкать жить на «гражданке».

– Тяжело.

- Согласен, как мой гараж?
- А чего ему будет? Стоит опечатанный.
- Тарифы поднимали за год?
- Собираются, но пока взносы те же, что и были.
- Хорошо, доплачивать не придется.

Из-за угла появился председатель кооператива, шустрый мужичок с хитрыми глазками, Корнев Василий Алексеевич, которого за глаза все члены кооператива называли «Корнем».

- О! Кулагин?! Привет!
- Здравия желаю.
- В отпуск?
- Навсегда.
- А?! Слушай, ты мне нужен.
- С чего бы? Тарифы не поднимали, как мне сообщили, гараж оплачен.
- Да я не о том. Отойдем?
- Давай отойдем.

Они прошли к гаражу Кулагина, который был в первом ряду, рядом со зданием охраны и выездом.

- Короче, Паша, мужик один твой гараж присмотрел.
- А кто ему сказал, что он продается?
- Я же говорю, присмотрел. Интересовался, кто хозяин, хотел перетереть это дело. Ответил, что принадлежит он тебе, офицеру, и что ты служишь где-то под Москвой.

– Дальше что?

– Паш?! Ну, на хрена тебе гараж? «Семерку» можно спокойно у дома бросить, кому она нужна, новую тачку на зарплату военного не купишь, а за гараж хорошие деньги дают.

Калугин подумал, а зачем ему действительно гараж? В свое время купил по случаю, когда выпустился из училища. Купил дешево. Сейчас же на него только деньги тратить. Деньги, которые еще надо заработать.

- Сколько? – спросил он.
- Пятьсот тысяч. Оформление и налог за счет покупателя.
- Да сейчас таких цен-то и нет.

Вчера, просматривая раздел недвижимости, Кулагин отметил, как подорожали гаражи. Где-то возле завода, куда надо на маршрутке ехать, не менее четырехсот восьмидесяти тысяч рублей просят. А здесь теплый большой гараж, с ямой, с инструментом, оборудованием.

– Нет, Корень, за пятьсот не отдам.

Сам Корнев договаривался на миллион. Покупатель готов был заплатить, и он надеялся сорвать хороший куш. Пришлось уступить, чтобы не потерять весь навар. Если капитан даст объявление о продаже, у него гараж с руками оторвут. За тот же миллион.

- Назови свою цену.
- Восемьсот.
- Боюсь, никто за такую сумму не возьмет, – поцокал языком Корнев. – Давай за семьсот, Паш? За семьсот, думаю, сторгуемся.

- У меня нет никакого желания торговаться.
- А кто говорит, что тебе придется? Все сам сделаю.
- Наверное, навар неплохой заложил?
- Да ладно, мелочь за «ноги».
- Хорошо. За семьсот отдам. Оформление и налоги за счет покупателя.
- По рукам.
- Только в гараже лишнего много, прибраться надо.
- Ты тачку уберешь?

- Конечно, у дома поставлю, кому она нужна?
- Ключи дай, я все сам организую.
- Нет, не мелочь ты, Корень, заложил, наверняка не меньше «сотки».
- Мы договорились.
- Ладно.

Павел открыл ворота, сел в «семерку». Она завелась с полоборота. Он выгнал ее в проезд между рядами и спросил:

- Когда деньги будут?
- Мне нужен твой паспорт.
- Ксерокопии хватит.
- Ну, ксерокопия.
- Поехали, в фотомастерской копир есть, там и снимем. Но ты не ответил, деньги когда?
- Как акт купли-продажи оформим.
- Значит, так, Корень. Где живу, знаешь. Ключи от гаража я тебе оставлю, а вот с пас-

портом подождешь.

- В смысле?
- Ксерокопию я сниму, но отдам тебе, когда привезешь задаток – сто штук.
- Вечером будешь дома?
- Буду!
- Часов в восемь заеду.
- С задатком?
- Конечно.
- Держи ключи.

Передав ключи от гаража, Кулагин подвел «семерку» к шлагбауму.

- Что от тебя Корень хотел? – подошел к машине Попов.
- Нашел клиента на гараж.
- А ты просил его?
- Нет. Но зачем он мне? А деньги нужны.
- Сколько денег дают?
- Семьсот.
- Не продешевил?
- Может, и продешевил, зато все быстро и без беготни.
- Ну, смотри, дело, конечно, твое, но Корень профура еще тот.
- Да знаю я! Наварился, конечно, да и черт с ним.
- Значит, сюда больше не вернешься?
- Нет. Вычеркивай меня из журнала.
- Удачи тебе, Паша!
- Счастливо, Анатолий Петрович!

Кулагин поставил «семерку» на площадку у трансформаторной будки. Там никто не ставил машину, место темное. Но для «семерки» пойдет. Переодевшись, он осмотрел машину, помыл двигатель, проверил аккумуляторную батарею, тормозную систему, рулевое. Нигде ничего не текло, все было исправно. Аккумулятор надо подзарядить, но он сам подзарядится в движении от генератора.

Закончив с машиной, Павел поднялся домой. И там, приняв душ, вспомнил о делах с документами. Достал сотовый телефон, набрал номер, переданный полковником Даниловым.

- Капитан Орехов, – ответил ему молодой голос.
- Здравствуйте, это капитан запаса Кулагин. Я от Данилова.
- Наконец-то, я вчера ждал вашего звонка. Не знал, что сказать, если полковник позвонил бы.

– Мне надо...

Орехов прервал Кулагина:

– Я в курсе, – прервал его Орехов. – Сейчас подъехать в управление можете?

– Могу.

– Возьмите, пожалуйста, с собой удостоверение и паспорт. На КПП скажете, что ко мне. Вам выпишут пропуск и подскажут, куда идти.

– А фотографии на военный билет не нужны?

– И не только на билет, но их мы сделаем в управлении.

– Понял, еду!

– Жду!

Сделав несколько ксерокопий паспорта, в 11:10 Кулагин без труда припарковал «семерку» у кинотеатра, напротив здания Управления ФСБ по Переславской области. Вход находился со стороны переулка, Павел прошел в здание и тут же уперся в турникет.

– Вы к кому, гражданин? – поинтересовалась молодая женщина-прапорщик.

– К капитану Орехову.

– Справа бюро пропусков, в окошко, пожалуйста.

– Понял.

Кулагин положил на стойку окошка свое удостоверение, которое забрал уже мужчина-прапорщик. Вскоре он вернул документ, в который был вставлен пропуск.

Женщина-прапорщик сделала какую-то запись в журнале, поставила время в пропуске и вручила документ со словами:

– Второй этаж, кабинет номер двести восемь.

Кулагин прошел к лестнице, поднялся на второй этаж. Офицеров в управлении почти не было, либо так заняты работой, что сидят по кабинетам. Двести восьмой кабинет находился в левом крыле.

Он постучал и тут же открыл дверь:

– Разрешите?

– Капитан Кулагин? – поднял голову капитан лет двадцати шести.

– Он самый.

– Доброе утро, Павел Николаевич, проходите, присаживайтесь.

– Доброе. Капитан Орехов?

– Если вы вошли в кабинет номер двести восемь, то капитан Орехов Геннадий Андреевич, – улыбнулся офицер. – Впрочем, можно на «ты» и по имени, если ничего не имеете против.

– Я, Гена, не имею ничего против общения без формальностей, – улыбнулся в ответ Павел.

– Ну, и отлично! Документы принес?

– Конечно.

– Давай.

– Вы, смотрю, и в выходные работаете?

– По субботам до обеда. Но иногда случаются авралы.

– Здесь, в спокойном Переславле?

– Это внешне город выглядит спокойно. За прошлый год мы обезвредили две крупные террористические группировки, вербовавшие молодежь в ИГИЛ, группу сепаратистов, готовивших массовые волнения. Работы и здесь, Павел, хватает. Кроме того, мы же не автономное управление, решаем задачи федерального уровня.

Орехов просмотрел документы, положил их в сейф.

– Мы-то работаем, а вот паспортный стол нет. В общем, так, сейчас пройдем к фотографу, он сделает снимки нужного формата, с регистрацией вопрос решится только в понедельник. Водительское удостоверение есть?

– Есть!

– С ним до понедельника обойдешься, чтобы лишние справки не писать. А в понедельник, где-то в районе 14.00, получишь военный билет и паспорт с регистрацией по месту жительства. Новый паспорт.

– Понял.

– Идем.

Побывав у фотографа, офицеры распрощались, и Кулагин отправился домой. Странно, но Пузырев не забыл о нем. У дома Павел увидел его «Тойоту», из которой со стороны водителя вышел его одноклассник.

– Привет, Паша, а я тебя уже час жду.

– Дела были, мог и позвонить, если бы удосужился в кафе взять номер телефона.

– Как-то из головы вылетело.

– Адрес мой откуда узнал?

– Сам-то подумал, что спросил?

– А, ну да, школьные годы, мы постоянно здесь собирались, только ты бывал нечасто, мама не пускала.

– Не надо, Паш, умерла мама.

– Извини, не знал. Прими соболезнования.

– Спасибо. – Пузырев указал на белую «семерку»: – Это твой драндулет?

– Это моя машина, – недовольно ответил Кулагин.

– Нет, Паш, это не машина, но... как говорится, каждому свое. Возможно, скоро ты сменишь тачку.

– Знаешь о продаже гаража?

– Какого гаража? – поднял на него удивленные глаза Пузырев.

– Не знаешь. Ну, и ладно. С чем приехал? Неужели работу подобрал?

– Угадал.

– Тогда поставь свой внедорожник на площадку за будкой, и пойдем ко мне, поговорим.

– Он и здесь никому не мешает, – ответил Пузырев и, поставив «Тойоту» на сигнализацию, добавил: – Ну, что ж, пойдем. Кофе угостишь?

– У меня растворимый.

– Ничего, и растворимый пойдет.

Бывшие одноклассники поднялись на второй этаж.

Пузырев прошелся по квартире, пока Кулагин делал кофе. Войдя на кухню, проговорил:

– Да, не апартаменты.

– Что имеем.

– Не ценит Родина своих героев. Ты на службе молодость отдал, а имеешь что? Вот это?

– У тебя, наверное, особняк?

– Ну, особняк не особняк, но коттедж в спальном районе, в микрорайоне Северном, двести шестьдесят квадратов.

– И бассейны есть?

– Нет, не стал бассейны делать, возни с ними в обслуживании много, сауну организовал, с небольшим водоемом рядом.

– Молодец, нечего сказать.

– Главное, Паша, оказаться в нужное время в нужном месте.

– Это точно. Ты оказался, я нет. Каждому свое. Пей кофе.

– А ты пока блокнот с ручкой приготовь, пригодится.

Пока Пузырев пил кофе, Павел принес старый ежедневник, еще со школьных времен, и ручку, которая, пролежав в секретере не меньше пяти лет, как ни странно, находилась в рабочем состоянии.

– Короче, так, Паша, есть одна работенка, – начал Пузырев. – Сезонная, но сезон может продлиться на неопределенное время.

– А если перевести сказанное на русский язык?

– У меня водила одного депутата областной Думы постоянно масло берет для своей тачки. Так вот заезжал он ко мне вчера, я поинтересовался, как Владимир Сергеевич поживает. Это депутат, значит. Юрик, водила, ответил, а как он может поживать, если «бабок» немерено имеет? Отлично поживает. Я спросил, признаюсь, так, между прочим, нет ли у господина Старикова работенки какой?

– А Стариков это кто?

– Да депутат тот же, Стариков Владимир Сергеевич.

– У него бизнес есть?

– Хрен его знает, что у Старикова есть, но денег много. Такое поместье себе отгрохал у деревни Светлое. Помнишь, мы туда на озеро ездили? Вот у него особняк квадратов в пятьсот, с башнями, колоннами.

– Давай к теме, Валер!

– Ну, значит, спросил я, а Юрик и говорит, нужен вроде человек на сезонную работу в это самое поместье. До ноября. А что, есть кандидат?

– Есть, – ответил я и рассказал о тебе. Затем попросил уточнить все и позвонить. Он уехал, а где-то часа через три перезвонил. Действительно, хозяин ищет человека без вредных привычек, здорового, работающего. Посоветовал подъехать в воскресенье, часикам к двенадцати, мол, управляющий и по выходным пашет.

– Погоди, погоди! – остановил его Павел. – Ты что, предлагаешь мне работу холуя у сытого нувориша?

– Какого холуя, Паша? Работника.

– Это типа сбегай туда, принеси то?

– Это типа вместе с садовником, есть в поместье Старикова и такой, смотреть за территорией.

– Дворником?

– А хоть бы и так?

– Дворником я могу и в ЖКО устроиться.

– Можешь, базара нет, но вряд ли в ЖКО тебе будут платить пятьдесят «штук» в месяц, – усмехнулся Пузырев.

– Сколько? – удивился Павел.

– Тысяча баксов по курсу.

– Это за дворника?

– Я точно обязанности не знаю. Плюс ко всему, можешь проживать там, есть домик. Возможно, и питание.

– Подачки с барского стола?

– Да что ты, в натуре, Паша? Я, что ли, тебя нанимаю? Хочешь, устраивайся к Старикову, хочешь, иди в ЖКО. Ты просил подыскать что-нибудь, я подыскал. Остальное – твои дела.

– Ладно, не обижайся. Пятьдесят «штук», говоришь? Это неплохие деньги для любого сезонного рабочего. А почему депутат этот гастарбайтера не наймет тысяч за десять? Тот и за такие «бабки» пахал бы.

– Это ты у него сам спроси.

– Ты сам-то что об этом Старикове знаешь?

– А ты в армии служил или в Следственном комитете?

– Ну, должен же я знать, к кому устраиваюсь, а то, может, самодур, или жена у него с закидонами, или все вместе в одной обертке?

– Стариков в городе человек уважаемый. Ему должность председателя Думы предлагали, отказался, взял какой-то комитет, то ли по ЖКХ, то ли по социалке. Мужик серьезный, с губернатором на «ты». Вместе отдыхают. Тот часто к нему приезжает, шашлычки, то, се. В Москве подвязки крепкие, говорят, в Администрации со многими знаком. Жена его, Алла Борисовна, под стать ему. Такая цаца! Надменная, кто ниже, тех за людей не считает, но в дела мужа и в хозяйство не вмешивается. В усадьбе живет еще Елена, дочь Старикова от первого брака. Вернее, она неродная дочь, а он первую жену с ребенком замуж брал, а потом удочерил ее. Несмотря на развод, она живет с ним. Управляет поместьем некто Цуканов Алексей Викторович, – ты запиши фамилию, с ним тебе завтра встречаться.

Кулагин записал.

– Этот мужик так себе. Его за глаза Цыпой называют. Есть там и горничная, скорее, домоправительница, у нее в подчинении повар, прислуга домашняя. Стерва еще та. И на вид кошелка. Тощая, плоская, длинная. «Шпалой» кличут. Чудинова Маргарита Александровна.

– Фамилия подходящая. Чудинова – чудила, – улыбнулся Павел.

– Вроде как жене Старикова дальней родственницей приходится. До мужиков охочая, да только кому она, на хрен, нужна? Поэтому, видать, и стерва. Охрана поместья состоит из четырех человек, начальник охраны, бывший управляющий делами облдумы, Боровской Михаил Григорьевич, строгий мужик, тоже из военных, как и ты, да там вся охрана из бывших офицеров.

– Бывших офицеров, Валера, не бывает, – заметил Кулагин.

– Как и некрасивых женщин, да?

– Как и некрасивых женщин.

– Ну, ладно. Охранников я не знаю. Помощником у Старикова Леонид Заборский. Ну, и садовник, местный, бывший агроном колхоза, его тоже не знаю. И водитель, он же телохранитель, Баров Юрий. Тот самый Юрик, что заезжает ко мне.

– Информация по поместью от него?

– Откуда же? Я там не был, дружбу со Стариковым не вожу, не тот уровень.

– Понятно. Кофе еще будешь?

– Нет! Хреновый у тебя кофе, скажу тебе, Паша.

– Я предупреждал.

– Поедешь на беседу?

– Отчего не съездить? Поеду, посмотрю, что там за «мутняк».

– А где у нас во власти не «мутняк»? – усмехнулся Пузырев. – Сам знаешь, как избираются и должности получают. Простому человеку во власть дорога закрыта. Нет, есть в Думе пара нормальных, обычных. Учитель и сантехник. Надо же вид демократии создать? Но те как куклы.

– Мне это неинтересно. Если управляющий Цуканов поинтересуется, откуда о вакансии узнал, могу на тебя сослаться?

– Да ссылайся, Юрик уже, наверное, о тебе Цыпе этому говорил, иначе не стал бы звонить и назначать встречу.

– Хорошо.

– Ну, все, Паш, поеду я! Как у вас говорится, до связи?

– До связи! Спасибо, Валера.

– Да ладно, свои люди, сочтемся.

Пузырь ушел, а Кулагин стал обдумывать неожиданно подвернувшееся предложение. Он привык анализировать ситуацию, какой бы обыденной она ни была.

Глава третья

Вечер субботы протекал так же одиноко. Разнообразил его звонок в прихожей, прозвучавший около восьми вечера. Кулагин открыл дверь. На пороге стоял широко улыбающийся Корнев.

- А вот и мы, а вы не ждали?
 - Ждали, проходи. «Бабки» принес?
 - Конечно, а ты ксерокопии сделал?
 - Сделал, все, что надо, сделал, вот только паспорт новый у меня будет с понедельника.
 - Он не нужен.
 - Так чего здесь стоим, проходи на кухню.
- Корнев сразу обратил внимание на пустые бутылки за холодильником.
- Пьешь?
 - На хлеб мажу. Давай к делу.
 - К делу так к делу. – Он достал из помятого портфеля пачку тысячерублевых купюр, бросил на стол: – Вот задаток. Ровно сто тысяч, пересчитаешь?
 - Поверю. Когда окончательный расчет?
 - В среду, устроит?
 - Вполне. Хотя... знаешь, давай предварительно созвонимся.
 - Ты куда-то собрался из города? – удивился Корнев.
 - Работа подвернулась. Надо посмотреть, что за работа, какой график, подойдет ли. Так что лучше заранее договоримся. Я позвоню тебе в среду.
 - О'кей, а что за работа, если не секрет?
 - Да так, ничего особенного.
 - Не хочешь, не говори, зарплату-то хоть нормальную дают?
 - Обещают нормальную, а как будет на самом деле, не знаю.
 - А я тебя в кооператив охранником хотел нанять, – вздохнул Корнев.
 - Охренел, что ли?
 - Других вакансий нет.
 - Так там и с охраной порядок был.
 - Вот именно, что был, сменщик Петровича Ванек заявление написал.
 - Ну, это не страшно, текучка в кооперативе всегда была большой. А из-за чего? Из-за того, что жаден ты, Василий Алексеевич, не хочешь платить людям.
 - Я жаден? Мы не бюджетная организация, и мне город денег не выделяет. Все на взносы надо умудриться делать. И за землю платить, и за электричество, и налоги, между прочим, и зарплату охранникам тоже.
- Улыбнувшись, Павел продолжил за него:
- И домик достроить, и квартиру собственную организовать...
 - Ага! За ваши взносы сделаешь!
 - Ладно, мне это неинтересно. Выпьешь? Или за рулем?
 - Не-е, не за рулем, а выпить? Давай! Надо сделку обмыть.
 - Не рано ли?
 - В самый раз. Работать начнешь, не до этого будет.
 - Мне расписку написать?
 - Не надо. Ты не обманешь.
 - Само собой. Но покупатель не затребует расписки?
 - Нет! Ему эта сотка, как тебе «штука» на карманные расходы.
 - Кто такой?

– Коммерческая тайна. Достойный человек. И влиятельный.
– То-то ты вьешься вокруг сделки. Хороший навар заложил?
– Ты уже спрашивал об этом. Ерунда, обычные комиссионные, но, по сути, все сам и оформляю.

– Да я не в претензии.

Кулагин достал из холодильника початую бутылку водки, тарелку с нехитрой закуской, из шкафа рюмки, налил по сто граммов.

Мужчины выпили, Коренев принялся закусывать, а Кулагин, прикурив сигарету, спросил вдруг у него:

– Ты у нас, Вася, весьма осведомленным человеком считаешься. Что скажешь про депутата областной Думы Старикова?

– А зачем он тебе? – чуть не поперхнулся Коренев.

– Так, просто интересуюсь.

– Не надо интересоваться, Паша. Мужик крутой. По натуре крутой, не какой-нибудь понтовщик. Ему предложили должность председателя Думы, прикидываешь? Почти губернатора. Отказался, взял какой-то комитет, по-моему, по ЖКХ.

– Это мне известно. Упертый мужик?

– Ты знаешь, я бы не сказал. Внешне нормальный, доброжелательный, правда, особо к себе не подпускает, но с кем встречается, ведет себя как свой, вежливо, с пониманием.

– Есть опыт?

– Встречался пару раз по кооперативу.

– Помог?

– Помог.

– И дорого взял?

– Кто? Стариков? – рассмеялся Василий. – Если, Паша, он и берет, то не от таких, как я, и не столько, сколько могут предложить такие, как я. Он-то, Паша, хоть с виду нормальный, а вот жена его – форменная сука. Но это между нами. Алла Борисовна строит из себя чуть ли не великую княгиню царских времен. Для нее люди – это так, материал или товар.

– Бизнесумен?

– Да нет у нее бизнеса. Что и странно. При таком муже могла бы развернуться в городе о-го-го!

– Откуда же тогда у Старикова «бабки»? Не на депутатскую же зарплату содержит особняк, прислугу?

– Хрен его знает. Постой, уж не к нему ли подрядился на работу?

– А если к нему, то что?

– А то, что ждать тебя мне недолго. Не сработаешься ты там, Паша. С твоим характером... Хотя это смотря кем Стариков берет тебя.

– Не заместителем, да и не помощником, и даже не советником по общим вопросам. Рабочим.

– Ну, тогда я подожду.

– Что, бегут оттуда люди?

– Скажем так, долго не задерживаются. Кроме ближайшего окружения, естественно, и, пожалуй, садовника. Тот мужик из местных, из деревни Светлое, пенсионер. Он давно у Старикова, считай, как поместье депутат поднял. Об остальных ничего сказать не могу. Но у меня такое ощущение, что я не первый, кого ты расспрашиваешь о Старикове.

– Чутье у тебя хорошо развито, – улыбнулся Кулагин.

– А как жить-то, Паша? Это раньше говорили, хочешь жить – умей вертеться, сейчас хочешь жить, вертись юлой и никого из власть имущих не задевай.

– Остальных дави, чтобы не мешали вертеться?

– Иногда и так. Жестокой стала жизнь, Паша. Это тебе не в армии, где все расписано, все по распорядку, ясно и понятно.

– Тебе-то откуда известно, как в армии? Ты же не служил!

– У нас в городе частей мало? Или офицеров, держащих гаражи?

– В общем, по Старикову ничего нового ты мне не сказал.

– А что ты хотел? Только то, что слышал.

– Ладно, сам все посмотрю.

Мужчины снова выпили, и Коренев засобирався:

– Ну, пойду я, Паша. Спасибо за угощение. За мной должок, а я долги привык отдавать.

– Только не всем и не всегда, – усмехнулся Кулагин.

– Паш! Ну, зачем ты так на прощание?!

– Мы не прощаемся, в среду увидимся. А если обиделся, извини.

– Извини?! А я, между прочим, кое-что вспомнил насчет окружения Старикова.

– Ну?

– Не понукай, не запряг. Короче, люди говорили, охрана у депутата, как псы на привязи. А начальник – отморозок полный, за босса готов любого порвать. И главное, может порвать. Тоже в прошлом офицер, как и все охранники. Где-то в МВД служили. Но не в полиции, в войсках внутренних. Надеюсь, это тебе пригодится.

– Спасибо, Василий Алексеевич. В среду, как проведем окончательный расчет, если выпадет время, то посидим еще.

– Думаю, в следующее воскресенье, Павел Николаевич, ты уже на смену в кооператив заступишь. Тебе, как понимаешь, буду платить больше других.

– Штук двенадцать?

– Пятнадцать!

– Как мы щедры!

– И это хлеб, Паша, учитывая график дежурств. Можешь еще где-нибудь пристроиться, ты же убежденный холостяк, так, глядишь, под тридцатку в месяц и выйдет. Для города очень хорошая зарплата.

– Не каркай!

Кулагин проводил опьяневшего вдруг Коренева в прихожую и сказал на прощание:

– Давай, Вася, до среды. Отзвонюсь!

– Давай, Паша, хороший ты человек. А для хорошего человека чего только не сделаешь.

Проводив гостя, Павел разорвал обертку пачки, пересчитал деньги. Ровно сто тысяч. Неплохая добавка к его бюджету, в среду он получит еще шестьсот тысяч. Сумма вроде накапливается приличная, можно и машину поменять, что-то и за «семерку» дадут, и мебель, и ремонт в квартире сделать. Но и все. На этом все запасы закончатся. Впрочем, он еще не получил этих денег, и надо думать не о том, на что их потратить, а о предстоящем визите в усадьбу депутата Старикова...

Утром Павел, как всегда, проснулся рано, привел себя в порядок и выехал из города заблаговременно, и все равно на шоссе попал в пробку. Впереди сломалась фура, перегородив трассу. Хорошо, что никто в нее не врезался. Пока с ней разбирались дорожники и ДПС, пока стянули на встречную полосу, пролетел час, и Павел похвалил себя за предусмотрительность. Остальные пятьдесят километров он проехал без проблем. Миновал Светлое, сразу за ним въехал в большую рошу, свернул направо и уперся в раздвижные ворота высокого кирпичного забора, окружавшего усадьбу, расположенную прямо в роще.

Из здания охраны вышел мужчина лет тридцати спортивного телосложения в черной форме охранника.

– Здравствуйте, это усадьба господина Старикова? – спросил Павел.

– Привет! Это усадьба господина Старикова, а вот кто ты такой и по какой надобности явился?

– Вообще-то у меня вроде разговор должен состояться с управляющим.

– Так вроде или должен? – усмехнулся охранник.

– Должен.

– На работу, что ли, приехал устраиваться?

– Да.

– А чего не калымишь? На нормальную тачку денег не заработал? Или семья, жена вечно беременная, куча сопливых детишек, не до этого?

– Ты, парень, смотрю, разговорчивый. Да вот разговор ведешь не по делу.

– Никак борзый? – искренне удивился охранник.

– Уверенный!

– Хм! Из служивых, что ли?

– Ты управляющего предупреди, что я приехал!

– Служивый. Видно. И кто это «я» приехал?

– Кулагин Павел Николаевич.

– Николаевич? Ну-ну. Жди, Николаевич.

Кулагину не понравился охранник, верно говорил Корень, охрана, как псы на привязи. Преувеличил немного, но ему простительно. Таких псов успокоить нетрудно. Конечно, не Кореневу.

Охранник достал радиостанцию:

– Михаил Григорьевич? Гудов. Тут к Цуканову насчет работы приехал господин Кулагин. – На слове «господин» он усмехнулся. – ... Понял... К вам?.. Сами подойдете? Хорошо, есть, Михаил Григорьевич. – Он отключил станцию, поправил кобуру с «пээмом» и взглянул на Павла: – Документы, господин Кулагин.

Павел протянул ему военный билет армейского офицера запаса.

– Говорил же, из служивых. Так, капитан Кулагин Павел Николаевич. И все же, капитан, чего это ты на древней «семерке» ездешь? Западло как-то.

– Это тебе запаadlo, мне в самый раз.

– Ну, ну, проходи на территорию и прямиком к особняку. Там тебя встретит управляющий. Позже подойдет начальник охраны. С ним борзеть не советую, мужик крутой. И он, если ты ему не понравишься, вправе отменить любое решение управляющего, усек?

– Спасибо за информацию.

– На здоровье. Оно тебе тут, если, конечно, устроишься, пригодится. Давай!

– Через КПП?

– Через пропускной пункт, КПП в твоей части остался. Как, впрочем, и в моей!

– Тоже служил?

– Не важно. Ступай, ждут!

Кулагин прошел через пропускной пункт мимо закутившего охранника, отметив, раз разрешают курить на посту, то с дисциплиной в усадьбе не так уж и строго, вышел на площадку, от которой, зажатая высокими, ухоженными деревьями, к большому особняку тянулась мощеная аллея. На подходе увидел мужчину в безупречном костюме и обратился к нему:

– Извините, если не ошибаюсь, Цуканов Алексей Викторович?

– Не ошибаетесь. Кулагин?

– Так точно, Кулагин Павел Николаевич.

– Первое после службы место работы?

– Так точно!

– Ты перестань этими своими армейскими терминами разговаривать. Надоело от охраны слушать. Давай паспорт.

– Военный билет.
– Где паспорт?
– Завтра получу!
– Ну, давай военный билет. – Управляющий пролистал его и покачал головой: – Капитан, значит? Еще один военный. Откуда узнал о вакансии?
– От знакомого человека.
– Что за человек?
– Вряд ли его фамилия что-то вам скажет.
– Позволь это решать мне.
– Извольте. Пузырев Валерий Вячеславович, владелец автосервиса и...
– Знаю. Скользкий тип. Но со связями. Впрочем, мелочовка. Ладно. Как насчет физической работы?
– Нормально. А что, тяжелая работа?
– Иногда бывает тяжелой.
– Значит, вы берете меня?
– Я не против, но тебе еще надо поговорить с начальником охраны.
– Разве начальник охраны выше управляющего?
– У нас – выше. Так, подтянись, госпожа Старикова. Поздороваться не забудь.
Мимо, высоко задрав нос, не сказать чтобы симпатичного лица, прошла этакая леди.
– Здравствуйте, – сказал Кулагин.
Мадам, не соизволив даже посмотреть в его сторону, направилась к небольшому фонтану.
– Вежливая особа, – проговорил Павел, проводя ее взглядом.
– Запомни, капитан, здесь поведение хозяев не обсуждается. За пределами территории тем более. Болтливых тут не держат и... наказывают. Жестко наказывают, но об этом с тобой поговорит господин Боровской.
– Начальник охраны?
– Да, а вот и он.
К ним подошел здоровяк в летнем бежевом костюме и в кроссовках. Этот тип не утрусил себя этикетом.
– Кулагин? – спросил он, не обращая внимания на управляющего.
– Так точно, Михаил Григорьевич.
Боровской не без удивления посмотрел на Павла:
– Откуда знаешь имя-отчество?
– Охранник на проходной назвал вас так.
– А?! Точно. Внимательный. Документы?
Управляющий протянул ему военный билет.
Боровской задал тот же вопрос, что и ранее Цуканов:
– А где паспорт?
– На оформлении. Завтра должен получить.
Начальник охраны посмотрел военный билет, повернулся к Цуканову:
– Что ты решил, Алексей?
– Можно взять. Мужик крепкий, здоровый, офицер.
– Ты ему общие правила довел?
– В нескольких словах, мне же надо знать твое решение.
– Хорошо, займись пока своими делами, а я поговорю с господином Кулагиным.
– Буду в сауне. – Управляющий поправил галстук и пошел по левой от особняка аллее к двухэтажному дому.
Начальник охраны предложил Павлу присесть на скамейку и с ходу спросил:

- Что предпочитаешь, вино, коньяк, виски?
- Водку! Хотите угостить?
- Не надо лишних слов. Значит, пьем?
- Не без этого, но мало.
- Чего так?
- А что, должен упиваться до чертиков?
- Павел Николаевич, давай договоримся, что вопросы буду задавать я, а ты отвечать. Свои вопросы дам время задать, если в этом возникнет необходимость, договорились?
- Без проблем, но разрешите сразу один вопрос?
- Один в порядке исключения, – поморщился Боровской.
- Насколько понимаю, я претендую на должность рабочего или, иными словами, мальчика на побегушках. Я знал об этом, поэтому без претензий. А вопрос такой, вы даже рабочих подвергаете подобной проверке?
- Это еще не проверка, – внимательно посмотрел на него начальник охраны. – Это разговор. Проверка будет позже. Кстати, на эту должность рабочего или, как ты выразился, мальчика на побегушках, претендовало шесть или семь, сейчас не вспомню, человек. И всем было отказано.
- Может, тогда и я пойду?
- Это второй вопрос. Неуместный вопрос. На третьем мы окончательно закончим беседу, и вы уедете отсюда. Кстати, у вас машина?
- Да. «Семерка». Правда, некоторые считают ее развалюхой и тарантасом, но меня она устраивает.
- У каждого свой вкус. Мне безразлично, какой марки у вас автомобиль, главное, он есть, и он исправен, не так ли?
- Иначе я не доехал бы сюда.
- Логично. Откуда узнали о вакансии?
- Кулагин повторил то, что уже говорил Цуканову.
- Пузырь? И что у вас общего?
- Учились вместе.
- Квартира?
- На Нестерова, дом 40, квартира 6.
- Другая недвижимость?
- Был гараж в кооперативе «Заря».
- Был?
- Да, буквально на днях я продаю его.
- С финансами трудности?
- И с финансами, и не нужен он мне.
- Эти новые билеты не содержат практически никакой ценной информации, – заметил Боровской, раскрывая военный билет Павла. Призван, уволен. Причины увольнения, Павел Николаевич?
- Официально – полное служебное несоответствие.
- Во как! Эту статью редко клеили даже в Советской армии.
- Насколько понимаю... Извините, третьего вопроса не будет.
- Не надо, – усмехнулся Боровской. – Значит, полное служебное несоответствие. И это у капитана, заместителя командира батальона? Как же тогда ты, не соответствуя званию офицера, дослужился до майорской должности?
- Я же сказал, это официальная статья.
- Причина увольнения была в другом?
- Так точно.

– В чем?

Пришлось рассказать об инциденте с генералом, только применительно не к отряду спецназа, а к рембату, которых в Вооруженных силах пруд пруди.

Бобровской выслушал и неожиданно улыбнулся:

– Значит, пьяному генералу и по роже?

– Да.

– Фамилия генерала?

– Я бы не хотел называть ее. Генерал из ФСБ, а Контора не армия, мне хватило проблем с ним.

– Что делал генерал ФСБ у вас в рембате?

– Не знаю. Работал с особистами, какое-то дело раскручивал вместе с военным прокурором, мне было без разницы, я в их дела не вникал.

– И ты всегда, если что-то не так, начальника по морде?

– Никак нет, Михаил Григорьевич. Я по характеру спокойный. Но если выведут из себя...

– Ясно, мы мирные люди, но наш бронепоезд... Понимаешь, что с таким характером ты не подходишь нам?

– Уже понял. Не будем терять время, пойду я. К Корню наниматься в кооператив.

Кулагин хотел встать, но Боровской удержал его за руку:

– Я не закончил, Павел Николаевич. Да, ты не подходишь нам, но мы возьмем тебя.

– И чем обязан исключению? – удивился Кулагин.

– Я сам в прошлом военный, майор, где и кем служил, не важно, и мне известно, как у нас в армии разделяются с ненужными. А ненужные, как правило, являются лучшими.

– Я должен благодарить вас?

– Как хочешь. Еще вопрос. В боевых действиях участие принимал?

– Нет! Но где-то полгода проходил подготовку по программе спецназа. Я спортсмен еще с училища, вот на меня и «положили глаз» ребята из Антитеррористического управления.

Боровской с нескрываемым интересом взглянул на Кулагина:

– Подготовку по программе спецназа? Где конкретно?

– Учебный центр «Вектор»!

– Придумать ты не мог, – кивнул начальник охраны, – о «Векторе» знают только те, кто там побывал. И о ком никаких документов в архивах не хранятся. Почему же не попал в спецназ?

– На экзаменах провалился. На самом последнем. Преследование отходящего противника в лесу. Дождь ночью прошел, тропу развезло, трава мокрая, при преодолении траншеи поскользнулся, подвернул ногу. А это – крест на всей подготовке.

– Но курс, как понимаю, прошел полностью?

– Так точно, Михаил Григорьевич. Да толку-то?

– Это хорошо, что ты рассказал об этом. Я бы при проверке почувствовал неладное.

Ладно. Семья?

– Холост.

– Разведен?

– Нет, не был женат.

– Что так?

– А вот это уже мое личное дело.

– Согласен, – развел руками Боровской. – На этом, пожалуй, закончим. Но учти, все, что ты увидишь здесь, здесь и должно остаться.

– Я понял.

– Работу тебе определит управляющий, предупреждаю, что бы ни предстояло делать, твоя территория – это сама усадьба, в особняк входить строго запрещено, без личного разрешения босса. Супругу господина Старикова уже видел?

– Видел.

– Алла Борисовна – своеобразная женщина, она вторая супруга босса, с ней лучше не связываться и не перечить. Если что-то прикажет сделать, то все бросай и делай. На ее надменность не обращай внимания. Понимаю, это унижает, бесит, но таковы условия работы.

– Что конкретно и за какие деньги мне предстоит делать? Каков...

Боровской вновь прервал Кулагина:

– Это все обсудишь с управляющим. Пойдем к нему.

Мужчины поднялись и направились к двухэтажному дому, на первом этаже которого оказалась сауна с баром, на втором комнаты отдыха. Этой сауне могли позавидовать и столичные. Все было отделано дорогим деревом, все продумано, со вкусом меблировано. Сбоку лепилась пристройка, своевременно не портившая внешний вид «теремка», как называли в усадьбе сауну.

Цуканов разговаривал с немолодым, лет за шестьдесят, мужчиной.

– Это садовник, Прохоров Виктор Алексеевич, специалист от бога, иногда складывается такое ощущение, что растения, особенно цветы, его понимают. Ты сойдешься с ним. Он мужик простой, без заморочек. Работает и работает, куда не надо, нос не сует. Чего я и тебе, капитан, желаю.

Увидев Боровского, Цуканов кратко спросил начальника охраны:

– Ну что, Михаил Григорьевич?

– Оформляй с завтрашнего дня и до конца октября, месяц испытательный. Дальше видно будет.

– Хорошо. Боссу о работнике сам доложишь или я?

– Это твоя работа. Я все, что надо, узнал, еще проверю, пока оформляй на месяц. Ну, все, я пошел.

Подмигнув Кулагину, Боровской направился к особняку.

– Знакомьтесь, Павел, – указал Цуканов на пожилого мужчину, – наш садовник, Прохоров Виктор Алексеевич. Старожил, так сказать. Вся растительность на территории им посажена.

– Ну, не вся, Леша, от рожи многое осталось, – усмехнулся Прохоров и протянул Кулагину руку: – Виктор Алексеевич, можно на «ты».

– Ну, тогда, Паша, для вас, извини, для тебя, Виктор Алексеевич, просто Паша.

– Отлично, – сказал Цуканов, – признаться, я был уверен, что Боровской забракуют тебя.

– Как видите, не забраковал.

– И очень хорошо. Обсудим твои обязанности?

– Желательно вместе с зарплатой и графиком работы.

– Естественно. Обязанности просты, делать все, что скажет Виктор Алексеевич или я. Но больше Виктор Алексеевич. В основном – это следить за порядком в усадьбе.

– Короче, работа дворником.

– Не совсем. Но в принципе, можно сказать и так. Но кроме уборки придется и ямы копать под деревья или кусты, клумбы поливать, газоны. Всего не перечислишь.

– С обязанностями ясно. Права?

– Право на отдых и оплачиваемый труд.

– Годится. Зарплата?

– Пятьдесят тысяч рублей чистыми, выдавать буду я.

– Это, получается, зарплата в конверте?

– Основная часть. Десять тысяч ты будешь получать официально по ведомости, как разнорабочий. Мы составим договор найма, все чин по чину. Налоги из этих десяти тысяч будем перечислять, чтобы у тебя стаж шел. Плюс премии за хорошую работу или к праздникам. У босса есть такая черта, неожиданно поощрять своих людей, подгоняя премии под какой-нибудь праздник. Но... существует и система штрафов. За опоздание, за ненадлежащее исполнение обязанностей и... за длинный язык.

– В смысле?

– Боровской должен был предупредить, что о делах в усадьбе за ее пределами не должен знать никто. Даже полиция.

– Понятно. График?

– С 8.00 до 18.00, два часа с 13.00 до 15.00 на обед. Выходные – суббота и воскресенье. Если же возникнет надобность в тебе на время выходных, либо дается двойная плата, либо отгулы. Но с отгулами сразу скажу, вряд ли выгорит, так что двойная оплата. В 8.00 быть здесь. Машину свою оставишь справа от ворот, на дальней стоянке. Но если не захочешь каждый день кататься по сто пятьдесят километров, можешь ночевать здесь. Виктор Алексеевич покажет где. Там же твоя форменная одежда, в рабочее время ты должен быть исключительно в ней.

– Понятно, – кивнул Павел. – Вопрос разрешите?

– Да.

– Когда выплачивается зарплата? Это, чтобы знать насчет коммунальных платежей, а то бумагами из разных инстанций завалят.

– Зарплату, Павел, надо еще заработать, – усмехнулся Цуканов. – Если удержишься, то оплата за месяц в начале следующего, это в конверте, официальная – с пятого по десятое число.

– А что может мне помешать удержаться?

– Кто знает, Павел, кто знает. Еще вопросы есть?

– Хозяину усадьбы меня представлять не будете?

– Нужен ты ему! Ладно, пообщайся с садовником, я к Старикову, доложу, что вакансию заполнили. Он, знаешь ли, каждой мелочью интересуется.

– По-моему, вы противоречите сами себе.

– В чем? – удивился Цуканов.

– То говорите, что боссу наплевать на того, кто нанимается на работу в его поместье, то в каждую мелочь вникает.

– Поработаешь тут, поймешь, что я имел в виду. Паспорт завтра не забудь, и без опозданий. Удачи!

– Как же я не опоздаю, если паспорт получать часов в 11, не раньше?

– Ладно, выходи во вторник. – Управляющий повернулся и пошел к особняку.

Провожая его взглядом, Кулагин неожиданно увидел в окне третьего этажа бледное женское лицо. На мгновение. Женщина, заметив на себе взгляд, тут же задернула штору.

– Кто это? – невольно спросил он.

– Где? – не понял садовник.

– В окне третьего этажа. Или, скорее, чердака.

– Вот что я тебе скажу, парень, чем меньше ты будешь смотреть на это окно, тем здоровее будешь.

– Но кто там?

– Не знаю.

Кулагин внимательно и пристально посмотрел на садовника:

– А вот врать ты за свою жизнь так и не научился, Виктор Алексеевич.

– Тебе-то какое дело? Дали работу, работай. Пойдем, покажу комнату, где можешь ночевать, и где лежит рабочая одежда, заодно примеришь ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.